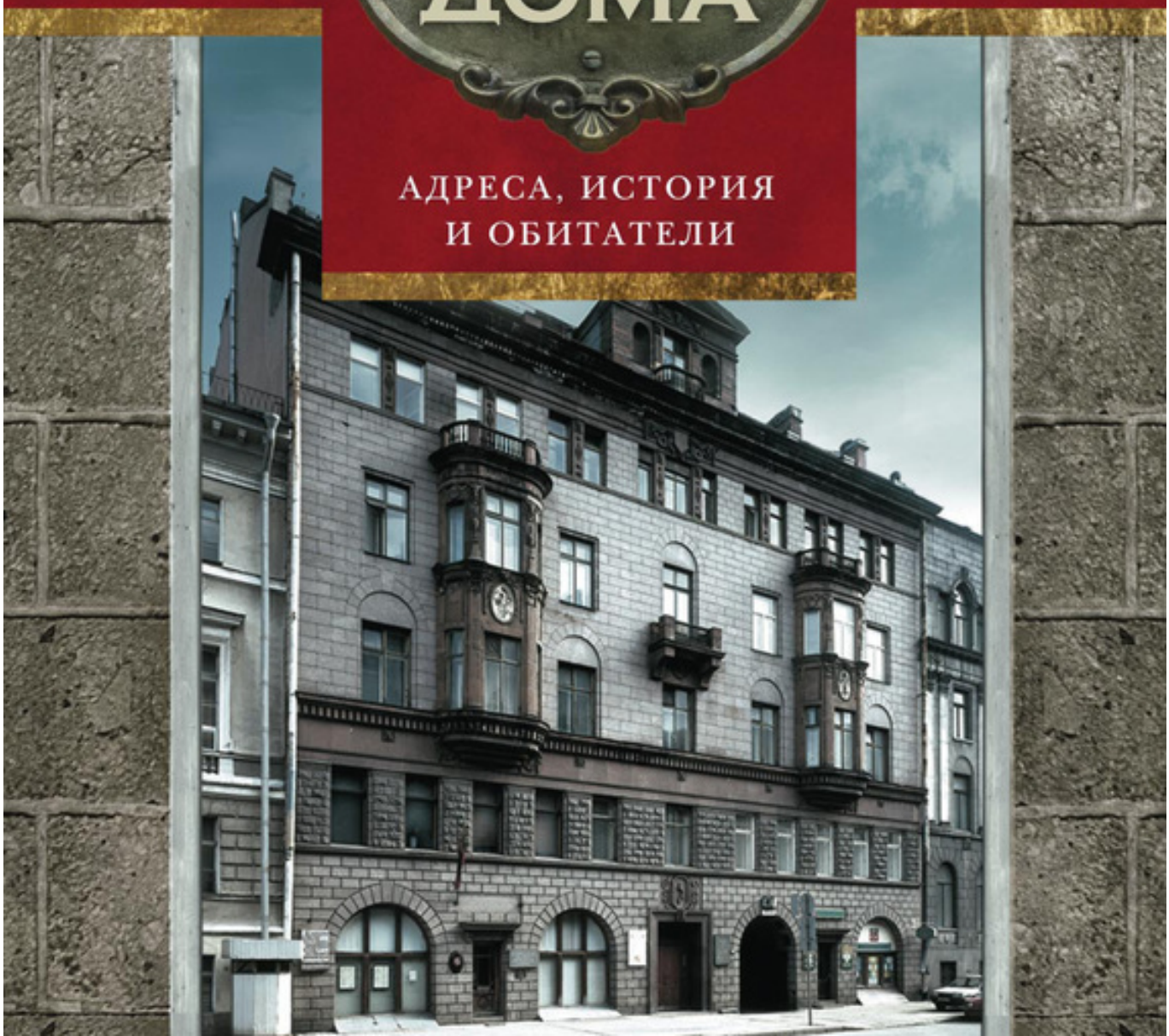
АНДРЕЙ ГУСАРОВ

ЗНАМЕНИТЫЕ ПЕТЕРБУРГСКИЕ ДОМА

АДРЕСА, ИСТОРИЯ И ОБИТАТЕЛИ



Всё о Санкт-Петербурге

Андрей Гусаров

Знаменитые петербургские дома. Адреса, история и обитатели

«Центрполиграф»

2016

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

Гусаров А. Ю.

Знаменитые петербургские дома. Адреса, история и обитатели / А. Ю. Гусаров — «Центрполиграф», 2016 — (Всё о Санкт-Петербурге)

ISBN 978-5-227-06689-3

Мы познакомимся с историческими домами старого Петербурга, свидетелями неповторимого прошлого великой столицы Российской империи. Рассказ Андрея Гусарова, начавшийся на Невском проспекте, переместится на Садовую и Миллионную улицы, Петроградскую сторону, Марсово поле и Исаакиевскую площадь… Двадцать восемь домов предстанут перед нами в этом исследовании. Абсолютное большинство из них – это доходные дома, типичные для столицы Российской империи, к числу которых, кроме доходных жилых домов, можно отнести и здание Французской реформаторской церкви, и бывшую Хлебную биржу. Голландская реформаторская церковь по большей части служила жилым домом и местом размещения контор и магазинов, а в здании знаменитого Елисеевского магазина до реконструкции располагались частные квартиры. Мы познакомимся с прошлым одного, как сказали бы сейчас, торгово-развлекательного комплекса и со зданием, прямо связанным с оптовой торговлей… Так, путешествуя по карте города, мы и познакомимся с домами разных эпох и, соответственно, разной архитектуры, узнаем историю их постройки, прочтем об их владельцах и архитекторах, увидим, как жили и работали горожане, вспомним самых известных из них и попытаемся на секунду почувствовать неповторимый петербургский аромат жизни ушедших от нас эпох.

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-227-06689-3

© Гусаров А. Ю., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Хранители истории 8
Дом Н.И. Чичерина 11
Конец ознакомительного фрагмента. 25

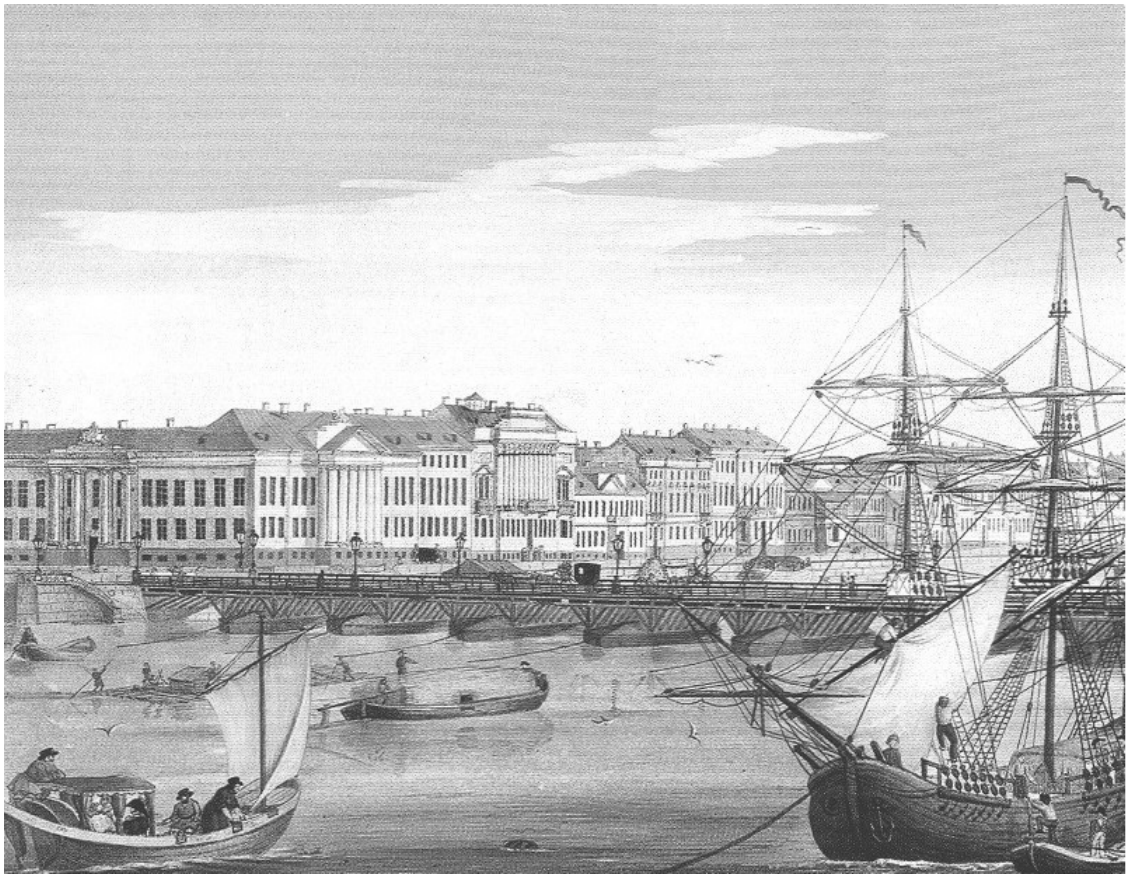
Андрей Гусаров
Знаменитые петербургские дома: адреса, история и обитатели

В тихие, ясные вечера резко выступают на бледносиреневом небе контуры строений.

Четче стали линии берегов Невы, голубая поверхность которой еще никогда не казалась так чиста. И в эти минуты город кажется таким прекрасным, как никогда.

Н. Анциферов

Адреса, история и обитатели



Хранители истории

Основной материальной и исторической ценностью любого города были и остаются его постройки – здания и различные сооружения. Они формируют лицо города, несут в себе его прошлое и настоящее, в них, рядом с людьми, обитают духи-хранители, герои городских легенд и народных преданий.

Каждый город на земле неповторим, что, конечно, не мешает некоторым из них быть похожими друг на друга, если не в целом, то какой-то, пусть одной, частью.

Путешественники не раз отмечали схожесть петербургских набережных с набережными Амстердама, улиц нашего города с некоторыми улицами Парижа или Праги. Конечно, архитекторы Петербурга представляли европейскую зодческую школу, да и были все больше иностранцами, по крайней мере первые 100 лет. Но важнее здесь другое. Не могла, не имела право столица Российской империи отставать в своем развитии, а должна была превосходить других, показывая пример не столько русским городам, сколько европейским. Так решил основатель города.

Петербург оставался всегда самим собой, неповторимым и таинственным городом над резво бегущей Невой, блистательной столицей огромной и холодной империи.

Ужель в скитаниях по миру
Вас не пронзит ни разу, вдруг,
Молниеносною рапирой
Стальное слово «Петербург»?

Ужели Пушкин, Достоевский,
Дворцов застывший плац-парад,
Нева, Милъонная и Невский
Вам ничего не говорят?

А трон Российской Клеопатры
В своем саду?.. И супротив
«Александринскаго театра»
Непоколевленный массив?

Ужель неведомы вам даже:
Фасад Казанских колоннад?
Кариатиды Эрмитажа?
Взлетевший Петр, и «Летний Сад»

Ужели вы не проезжали,
В немного странной вышине,
На старомодном «Империале»
По «Петербургской стороне»?

Ужель, из рюмок тонно-узких
Цедя зеленый Пипермент,
К ногам красавиц петербургских
Вы не бросали комплимент?

А непреклонно-раздраженный
Заводов Выборгских гудок?
А белый ужин у «Донона»?
А «Доминикский» пирожок?

А разноцветные цыгане
На «Черной речке», за мостом,
Когда в предутреннем тумане
Все кувыркается вверх дном;

Когда моторов вереница
Летит, дрожа, на «Острова»,
Когда так сладостно кружится
От Редерера голова!..

Ужели вас рукою страстной
Не молодил на сотню лет,
На первомайской сходке – красный
Бурлящий Университет?

Ужель мечтательная Шура
Не оставляла у окна
Вам краткий адрес для амура:
«В. О. 7 л. д. 20-а?»

Ужели вы не любовались
На Сфинксов фивскую чету?
Ужели вы не целовались
На «Поцелуевом мосту»?

Ужели белой ночью в мае
Вы не бродили у Невы?
Я ничего не понимаю!
Мой Боже, как несчастны вы!..

Н. Агнивцев.

Вдали от тебя, Петербург

Наше путешествие начнется с Невского проспекта – центральной городской магистрали, где каждый дом имеет богатую историю.

В Санкт-Петербурге тысячи зданий, но для своего исследования я выбрал дома рядовой застройки, с некоторым исключением в отношении интересных общественных строений. На страницах этой книги вы не встретите рассказ о дворцах, величественных храмах, высших учебных заведениях, больницах и вокзалах – тема эта отдельная, да и книг по ней создано в разные годы немало.

Другое дело – петербургские доходные дома с их интересными обитателями, конторами акционерных обществ и торговых товариществ, магазинами и салонами на первых этажах. Вот где кипела жизнь! Вот что составляет подлинную историю города Санкт-Петербурга! И не важно, идет ли речь о трущобах знаменитой Лавры на Сенной площади или о новых кооперативных светящихся огнями домах-монстрах Петроградской стороны.

Конечно, можно было бы просто рассказывать обо всех домах подряд, переходя от улицы к улице, – такие книги есть, и они входят в общий фонд петербурговедческой библиотеки, пополняемой каждый год новыми важными изданиями. Но при подобном подходе к описанию города возникает одна проблема: обилие исторического материала не позволяет подробно рассказать о постройках, которых слишком много для одной документальной повести.

Вот почему мой рассказ, начавшийся на Невском проспекте, спустя некоторое количество страниц переместится на Садовую и Миллионную улицы, Петроградскую сторону, Марсово поле и Исаакиевскую площадь. Двадцать восемь домов предстанут перед нами в этом исследовании. Абсолютное большинство из них – это доходные дома, типичные для столицы Российской империи. Кроме того, мы познакомимся с прошлым двух небольших церквей, одного, как сказали бы сейчас, торгово-развлекательного комплекса и со зданием, прямо связанным с оптовой торговлей. Все эти постройки объединяет одно – они выступают составной частью общей сплошной застройки Петербурга. Есть здесь, правда, два исключения, которые вы заметите, прочитав книгу до самого конца.

Так путешествуя по карте города, мы и познакомимся с домами разных эпох и, соответственно, разной архитектуры, увидим, как жили и работали горожане, вспомним самых известных из них и попытаемся на секунду почувствовать неповторимый петербургский аромат жизни ушедших от нас эпох.

Дом Н.И. Чичерина (Невский пр., 15)

Наше знакомство с интересными петербургскими домами начинается в самом центре города, на Невском проспекте – главной петербургской магистрали. Здесь, между набережной реки Мойки и Большой Морской улицей, на правой стороне проспекта высится приметный дом с колоннами (Невский пр., 15), сооруженный в 1768–1771 гг. для генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга, сенатора и кавалера многих орденов Империи Николая Ивановича Чичерина. Может быть, поэтому и здание, в итоге, получило его имя – дом Чичерина.

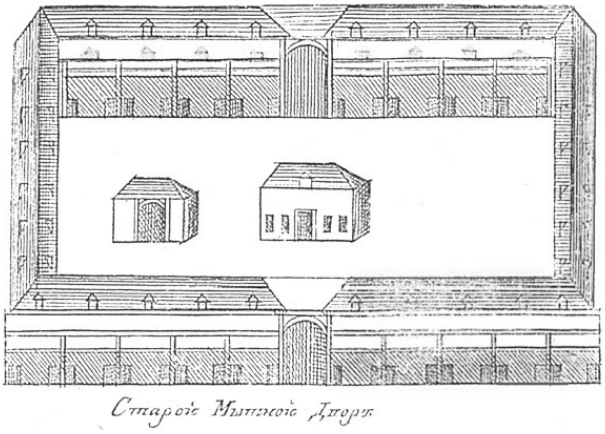
Этот участок застроен довольно давно – еще в петровское время здесь стоял Гостиный двор. Автором проекта большого торгового центра выступил немецкий «архитектор гротирного и фонтанного дела мастер» с итальянской фамилией Георг Иоганн Маттарнови, начинавший в Берлине резчиком по камню, то есть скульптором. В русских официальных бумагах чужестранца именовали на русский манер – Иваном Степановичем Матерновием. В нашей стране он появился в 1714 г., приехав по приглашению другого немца – знаменитого архитектора Андреаса Шлютера. Талантливый Маттарнови занимался в Петербурге многими проектами: застраивал Летний сад (грот, павильоны и галерея-колоннада), руководил возведением второго Зимнего дворца, место которого занимает ныне Эрмитажный театр, строил Партикулярную верфь – и, конечно, возводил неповторимое здание Кунсткамеры.

Дом Н.И. Чичерина

Неслучайно, что в 1716 г. проектирование Гостиного двора на Невской перспективе поручили именно ему. Типичное мазанковое строение с большим внутренним двором зодчий построил в 1719, или 1720 г., а простоял этот торговый центр новой российской столицы до 1736 г., пока не сгорел дотла от сильнейшего пожара. Автор проекта Георг Маттарнови умер в Санкт-Петербурге 2 ноября 1719 г., так что все его постройки, за исключением тех, что в Летнем саду, завершали уже другие архитекторы, в частности Николаус Фридрих Гербель.

В «Истории Санкт-Петербурга» А. Богданов писал: «Гостиный двор каменной прежде именованный Мытный, на Адмиралтейской стороне, на самом том месте близ Зеленого моста, на Мойке, где ныне дом генерал-полицмейстера и кавалера Николая Ивановича Чичерина, наименован Мытным потому, что он построен был только для продажи съестных припасов, но, между тем, несколько лавок занято было и с разными товарами, и потом отчасти более стало умножаться в нем купечество с хорошими и богатыми товарами, оный более стал именоваться

Гостиным двором, а не мытным. <…> Сей Гостиный двор в 1736 году загоревшись внутри, весь сгорел, и от оного пожара развалился, понеже оный строен был весьма стенами тонок, потолки, двери и затворы были деревянные, и не стерпя сильного огня, распался, а на последки и остатки разобраны».



Мытный двор. Рисунок XVIII в.

Активная застройка Адмиралтейской стороны (территория от Адмиралтейства до канала Грибоедова) началась после 1717 г. – здесь появляются Невская перспектива (Невский проспект), Вознесенская перспектива (Вознесенский проспект) и Царицын луг (Марсово поле). Активно обживаются и берега Невы до Литейной части и далее до Смольной. Конечно, земля в непосредственной близости от Адмиралтейства была особенно востребована – упомянутый Гостиный двор обслуживал быстро растущую часть города и выступал единственной здесь подобной постройкой. Торговля рядом с верфями велась с самого начала устройства Адмиралтейства на берегу Невы – вокруг жили рабочие и матросы, а снабжение большого числа трудового люда приносило неплохие барыши. Попутно замечу, что именно Маттарнови составил проект планировки Адмиралтейской стороны, появившийся в 1718 г.

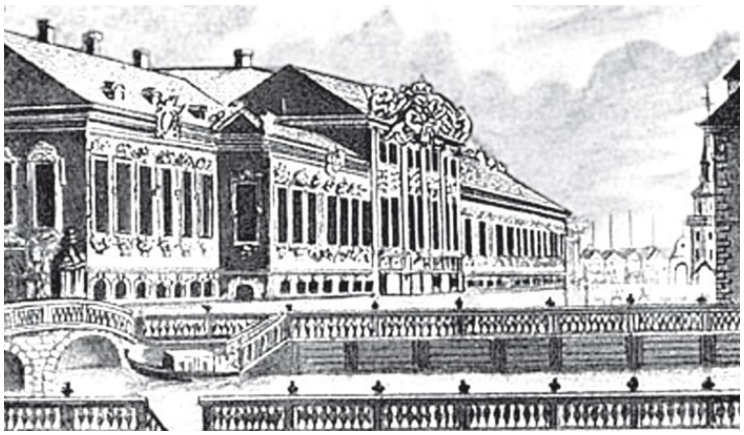
Участок сгоревшего Гостиного двора некоторое время стоял незанятым, пока в 1755 г. здесь не появился новый Зимний дворец, сооруженный архитектором Бартоломео Франческо Растрелли для императрицы Елизаветы Петровны.

В завершение истории с Гостиным двором следует напомнить о том, что в конце 1730-х гг. архитектор П.М. Еропкин составил план строительства на месте сгоревшего сооружения, точнее, между Морской (ныне – Большой Морской) и Луговой (ныне – Малой Морской) улицами, каменного казенного дома для размещения в нем лавок для продажи различных товаров. Проект этот, как мы знаем, реализован не был. Вернемся вновь к императорскому дворцу.

Растрелли начинал свою деятельность в Петербурге еще в начале 1720-х гг. – первое самостоятельное дворцовое здание зодчий проектировал по заказу господаря Валахского князя Дмитрия Кантемира, постройка занимала участок в конце Миллионной улицы и не сохранилась до нашего времени. В истории осталась любопытная характеристика молодого архитектора, данная Антиохом Кантемиром: «Граф Растрелли родом итальянец, в российском государстве искусный архитектор; за младость возраста не столько в практике силен, как в вымыслах и чертежах. Инвенции его в украшении великолепны, вид здания его казист; одним словом, может увесилиться око в том, что он построит».

Третьим Зимним дворцом Растрелли занимался уже в 1730-х гг. – государыня-императрица Анна Иоанновна поручила мастеру реконструкцию и объединение нескольких зданий на набережной Невы. Все бы хорошо, но Растрелли понимал, что необходим новый проект главного дворца Империи, величественный и достойный «славы Всероссийской». В 1753 г.

появляется проект четвертого Зимнего дворца, строительство которого завершат другие архитекторы, без участия самого автора, в 1762 г. На время строительства Растрелли сооружает временный деревянный Зимний дворец и как раз на углу набережной реки Мойки и Невской перспективы, на участке сгоревшего Гостиного двора.



Деревянный Зимний дворец. С гравюры В. Внукова

«План новобудущему на каменном фундаменте деревянному Зимнему дворцу, который имеет быть построен на Адмиралтейской части близь Зеленого мосту и на Невской перспективе на месте Гостиного двора и на той площади, что к Адмиралтейскому лугу» Елизавета Петровна подписала 29 декабря 1754 г., и строительные работы начались весной, как только это стало возможным – Растрелли представил проект в начале февраля, а императрица подписала его 6 марта. Работы здесь продолжались недолго, и 5 ноября 1755 г. императорская фамилия торжественно въехала в деревянный Зимний дворец Растрелли.

«Санкт-Петербургские ведомости» по этому поводу сообщали: «Прошедшего воскресения в 7-м часу пополудни изволили е. и. в. из Летнего дворца перейти в новопостроенный на Невской перспективе деревянный Зимний дворец, который не токмо по внутреннему украшению и числу покоев и зал, коих находится более ста, но и особливо потому достоин удивления, что с начала нынешней весны и так не более, как в 6 месяцев, с фундаментом построен и отделан». Временный дворец действительно поражал своими объемами. Кроме ста пятидесяти шести комнат, в число которых входил и большой Тронный зал, архитектор предусмотрел ряд парадных залов, большую Светлую галерею, приемные и каменные погреба. Отделка парадных помещений была великолепна: штучные наборные паркеты из дуба, клена и ореха, лепные золоченые орнаменты стен и живописные плафоны на потолках. В Светлой галерее интерьеры украшали двадцать картин в посеребренных рамах. Личные покои императрицы располагались со стороны реки Мойки, а окна комнат великого князя и его супруги выходили на Луговую улицу. Парадный подъезд дворца располагался у Зеленого (Полицейского) моста.

В историю Санкт-Петербурга да и всей страны этот временный дворец вошел тем, что стал последним местом пребывания императрицы Елизаветы Петровны. Государыня скончалась здесь 25 декабря 1761 г., так и не дождавшись завершения строительства каменного Зимнего дворца на набережной Невы.

Недолго простояла грандиозная постройка знаменитого архитектора – в феврале 1767 г. ее разобрали, освободив землю для нового строительства. Интересно, что один из флигелей дворца перевезли в Красное Село, где он простоял до прошлого столетия.

Так обстояло дело до появления на месте Гостиного двора и деревянного Зимнего дворца жилого дома Чичерина, возведением которого в 1768–1771 гг. занимался известный архитектор Юрий Матвеевич Фельтен.

История строительства дома для петербургского генерал-полицеймейстера окружена множеством тайн, и, в частности, доподлинно не установлен автор проекта здания.

В этой связи имя Фельтена упоминается чаще других, хотя документальных подтверждений пока нет. Здесь же вспоминается его работа с Растрелли над возведением Зимнего дворца, с фасадами которого перекликается внешний вид дома Чичерина.

Среди возможных авторов проекта называются также имена двух других петербургских зодчих: Александра Филипповича Кокоринова и Жана-Батиста Мишеля Валлен-Деламота. Постройки этих двух мастеров, а выделить здесь можно здание Императорской Академии художеств и Малый Зимний дворец, еще несут на себе «последние следы барочного духа», что наблюдается и в решении фасадов дома Чичерина.

Генерал-полицеймейстер прожил в доме до своей кончины в 1782 г., а следующим владельцем столь примечательной недвижимости стал его старший сын – вице-полковник Кирасирского полка Александр Николаевич Чичерин.

В 1792 г. дом приобретает князь Алексей Борисович Куракин, тогда советник Экспедиции о государственных доходах при 1-м департаменте Сената. Новый владелец расширяет постройку за счет возведения по набережной реки Мойки трехэтажного флигеля.

При купце А.И. Косиковском, владевшем домом более 50 лет, появился корпус по Большой Морской улице, строительством которого в 1814–1817 гг. занимался архитектор Василий Петрович Стасов.

Каждым новым владельцем в доме Чичерина проводилась реконструкция – сооружались дополнительные пристройки, менялись интерьеры согласно модным веяньям в архитектуре. Так после приобретения дома в 1858 г. купцами Елисеевыми архитектор Николай Павлович Гребенка изменил фасады, отделку залов и комнат. В частности, колонны первого этажа по главному фасаду зодчий заменил пилонами, а круглые оконные проемы угловых частей превратил в прямоугольные. В таком виде дом Чичерина, названный горожанами «домом с колоннами», дожил до наших дней. Конечно, в прошлом веке утеряна вся внутренняя отделка – от эпохи классицизма сохранились лишь пара колонн и пилястр искусственного мрамора в Большом зале на третьем этаже. От Елисеевых остались камины, люстра и паркет в Бальном зале.

Последняя реконструкция дома Чичерина прошла в 2005–2010 гг. по проекту архитекторов А. Свистунова и В. Сергеева (интерьеры), при участии архитектурного бюро И. Ерохова и М. Соснило. Фасады по Невскому проспекту, набережной и Большой Морской улице отреставрированы, как и парадная лестница, Большой зал и интерьеры некоторых помещений. Исторические дворовые флигели полностью снесены – то, что есть, сооружено заново. Над зданием надстроена мансарда, в которой, помимо прочего, устроили большой бассейн. Корпус со стороны набережной реки Мойки полностью реконструировали – исторической осталась только стена фасада.

Дом Чичерина остается весьма заметной постройкой в стиле раннего классицизма. Часть здания по Невскому проспекту выделена колоннадами первого и верхних этажей, причем угловые колоннады формируют полукруглое завершение лицевого фасада. Основной колоннадой выделен центр здания, но здесь, как уже говорилось, первый этаж украшен пилонами, а общее число колонн – 36. Интересной особенностью постройки выступает тот факт, что колонны первого этажа решены в тосканском ордере, тогда как верхние этажи украшают композитные колонны. Оконные проемы в основном прямоугольные, лишь несколько окон полуциркульные. Завершает фасад здания сложный карниз с консолями. От ушедшей эпохи барокко сохранились лишь оконные украшения – разного вида наличники, замковые камни и другие элементы.

Основные парадные залы располагались на третьем этаже. Центральное место занимал Большой двухсветный зал, рядом с ним по линии Невского проспекта находились

Средний двухсветный зал, два промежуточных и два угловых, овальной формы. В эту часть здания вело две парадные лестницы: первая выходила прямо к Большому залу, вторая – к промежуточным залам.

С самого начала дом служил местом жительства не только семьи владельца, но и посторонних лиц, которым сдавались квартиры внаем. Кроме этого, некоторые помещения снимали для торговли и размещения контор. Но обо всем по порядку.

Николай Иванович Чичерин занимал с семьей апартаменты на третьем этаже – это была лучшая часть дома. Они въехали тотчас после окончания отделочных работ осенью 1771 г., а в декабре того же года в «Санкт-Петербургских ведомостях» вышло объявление следующего содержания: «У его превосходительства г. Генерал Полицмейстера в новом доме, что на Невской перспективе, желающим нанять несколько покоев, о цене спросить дворецкого Ивана Ильина». Желающие, конечно, нашлись. С января 1780 г. квартиру в доме в течение трех лет снимал архитектор Джакомо Кваренги. Это обходилось зодчему в 300 рублей ежегодно. Так уж получилось, но квартира в доме Н.И. Чичерина стала первым петербургским адресом великого мастера. На первом этаже помещения снимали купцы.

В лавке итальянца Винченцо Бертолотти (Висенсо Бертолоди) «Болонья» шла торговля овощами, фруктами, табаком, кофе, чаем и сластями. Сам торговец проживал в доме Папанелопуло на Миллионной улице. Книгами в доме Чичерина торговал купец Шаров, сам владевший домом у Морского рынка и несколькими лавками в разных частях города. Позднее, после 1775 г., вместо «Болоньи» в доме работала лавка «Амстердам». В марте 1771 г. в дом Чичерина въехала первая в городе частная типография, которую организовал немец Иоганн Михаель Гартунг. Он получил право от властей печатать книги только на иностранных языках и открыть при типографии словолитную мастерскую для изготовления шрифтов.

Спустя несколько месяцев после начала работы немец подал на высочайшее имя следующее прошение на немецком языке: «Принося всеподданейшее вашему имп. величеству благодарение за дозволение ему иметь собственную типографию и словолитню, представляет, что для заведения оной потребно ему 10 000 рублей; но как он порук по себе представить по незнакомству своему не может, а намерен напротив того сам в России остаться и свою фамилию из Майнца сюда вывезти, то приемлет дерзновение всеподданнейше просить вашего имп. величества пожаловать ему для исправления потребных к тому инструментов и материалов на 10 лет 6000 рублей, которую он сумму в три срока либо отработать, либо готовыми деньгами уплатить обещается. Притом ведая, что в России на казенные типографии издерживается не малая сумма денег, по причине чего и российские книги не могут так дешево продаваться как иностранные, в пользу казны и общества предлагает, не соблаговолено ли будет высочайше некоторый здешний казенного содержания типографии или в них станы помалу уничтожить, либо продать ему. Что же касается до бумаги, то и она подешевле сделается, если указом строго запрещено будет народу бросать на улицу тряпицы, за кои бы он давал всякие мелочи, как-то: ленты, нитки, иглы и прочее; и собрав большое число, отдавал бы оное на бумажную мельницу; ныне же оныя с великим иждивением привозятся из Москвы. Иоган Михаель Гартунг, типографщик и словолитец». В субсидии Екатерина II отказала, и попытка Гартунга организовать свое дело под покровительством русского правительства провалилась.

Работа в типографии шла вяло, так что директор Сенатской типографии Василий Троепольский даже подал 22 марта 1773 г. рапорт, в котором отмечал следующее: «Словолитного дела мастер Гартунг уже от давнего времени не токмо сам ничего не делает, но и за находящимися при словолитной работе учениками совсем почти ничего не смотрит, и по большой части то больным сказывается, то в отлучке бывает; почему и выходит то, что ученики без всякого мастерского присмотра отливают литеры неровны. По усмотрению чего я хотя неоднократно ему говаривал, но он не только меня слушать не хочет, но иногда и великие грубости оказывает, говоря, что я совсем в его дело не мешался. Сверх сего без всякого дозволения отъез-

жая за город, живет там дни по два и по три, в которое время ученики одни все делают сами без всякого показания». В результате этого доноса генерал-прокурор А.А. Вяземский 28 марта 1773 г. выдал предписание «оного Гартунга из Сенатской типографии исключить и дать ему увольнение». На этом и закончилась история первой вольной русской типографии.

Уже при Александре Николаевиче Чичерине в 1778 г. в доме открылось и работало музыкальное общество «Клубный дом», мероприятия которого проходили один раз в неделю – по субботам. Раз в месяц общество устраивало большой бал или маскарад. Среди членов «Клубного дома» можно назвать имена Д.С. Бортнянского, Д.И. Фонвизина, В.В. Капниста, А.Н. Радищева, Н.А. Львова, Ф.И. Шубина. В лучшие годы число участников общества доходило до 500 человек, а членский взнос составлял 15 рублей, уплачиваемых один раз в год. Общество содержало собственный оркестр из 50 музыкантов, а на сцене выступали придворные артисты. Довольно часто в «Клубном доме» принимали иностранных исполнителей, работу которых оплачивали солидными гонорарами от 100 до 200 рублей за один концерт. Но общество просуществовало недолго – в 1792 г. оно разорилось, а все имущество (редкие музыкальные инструменты, дорогая мебель, фарфор и серебро) было продано с публичных торгов, выручка от которых покрыла лишь часть долга.

Довольно быстро в освободившиеся залы Клубного дома въехало «Малое Мещанское собрание» («Бюргер-клуб»), основанное в столице в 1790 г. Эта организация принимала в свои ряды всех желающих, получивших рекомендации двух членов собрания и оплативших первый ежегодный взнос в 28 рублей. Заседания «Бюргер-клуба» проходили три раза в неделю: в понедельник, среду и субботу, а по воскресеньям для членов организации проводились музыкально-танцевальные вечера с праздничным ужином.

А.И. Перетц

Как я уже отмечал, в конце XVIII в. у дома сменился владелец – им стал Алексей Борисович Куракин. Вместе с ним здесь жили его супруга Наталья Ивановна (урожденная Головина) и дети – сын Борис и дочери Елена и Александра. Но Куракины недолго оставались в этом доме. Уже на исходе столетия, в 1799 г., дом приобретает известный в городе откупщик и подрядчик Абрам Израилевич Перетц. Прославился он тем, что получил большие привилегии при поставке соли для государства, на чем, собственно, сказочно разбогател. В России тогда говорили: «Где соль, там и Перетц», удачно обыгрывая сходство фамилии удачливого коммерсанта и названия известной всем пряности.

Перетц родился в Любартове (Люблинская губерния) в 1771 г., в семье раввина. Довольно рано, в 16 лет, он женился на Саре Цейтлин, дочери управляющего светлейшего князя Г.А. Потемкина, что было по тем временам весьма удачной партией. Но и без любви, очевидно, не обошлось – красавица Сара имела стройную фигуру и небольшой рост, за что ее даже прозвали «Птичкой». В столицу Российской империи А.И. Перетц переехал в конце 1790-х гг. и вскоре приобрел дом Чичерина, где занял не парадные залы, а квартиру с окнами на Мойку: апартаменты на третьем этаже по Невскому проспекту Перетц сдал за хорошие деньги. В 1799–1801 гг. их занимал генерал от кавалерии граф Петр Алексеевич фон дер Пален, в то время занимавший пост военного губернатора Санкт-Петербурга. Рядом, в том же доме, проживал и сын графа, Петр Петрович. А что же семья самого Перетца?

Супруга Сара не поехала с мужем в Санкт-Петербург, оставшись с сыном и дочерью (Гирш и Цирла) в городе Шклове, что лежит в 35 километрах от Могилева. Только в 1803 г. его сын Гирш (Григорий) приехал к отцу. Позднее он станет декабристом, будет сослан в Сибирь, а после возвращения поселится в Одессе, где и умрет в возрасте 67 лет.

У Абрама Израилевича дела в Петербурге шли весьма и весьма успешно: император Павел I пожаловал ему в 1801 г. звание коммерции советника, а знакомства вывели на самый верх столичного общества. В своем доме он принимает многих представителей знати, но особенно близко сошелся с графом И.П. Кутайсовым, М.М. Сперанским и Е.Ф. Канкрином. Перетц продолжает успешно вести дела и вкладывает огромные средства в кораблестроение, но начавшаяся Отечественная война 1812 г. приводит его к банкротству, и все имущество коммерсанта уходит на аукционе за 1,5 миллиона рублей. С другой стороны, общий долг казны перед Перетцем за поставку продовольствия действующей армии превышал 4 миллиона рублей, но взыскать их не представлялось возможным.

В 1811 г. Абрам Израилевич женится по второй раз – первая его жена уже умерла к этому времени. Избранницей становится лютеранка Каролина де Сомбр, а вскоре и сам Перетц переходит из иудаизма в лютеранство. Этот брак оказался более счастливым и обильным на потомство – Перетцы имели четырех сыновей и пять дочерей. Умер А.И. Перетц в 1833 г., но из дома на Невском проспекте он выехал задолго до своей кончины – в 1806 г., продав здание потомственному почетному гражданину купцу Андрею Ивановичу Косиковскому.

Наконец-то дом приобрел хозяина на долгое время, и смена собственников остановилась на более чем 50 лет. С этого полувекового периода начинается слава дома Чичерина как литературного центра Санкт-Петербурга. Но для начала познакомимся с купеческой семьей Косиковских.

Купец 1-й гильдии Андрей Иванович Косиковский основные свои капиталы приобрел, снабжая русскую армию продовольствием, – история обогащения, весьма типичная для нашей страны. Кроме торговли, Андрей Иванович занимался административными делами в местном самоуправлении, занимая должность бургомистра (в 1807 г.) в Санкт-Петербургском магистрате.

Семья Андрея Ивановича (супруга – Татьяна Николаевна) была большой – в браке родились дочь Ольга и сыновья Александр, Владимир, Всеволод и Валентин. Старший сын, как и отец, пошел по купеческой части. Второй сын, Владимир, служил, а выйдя из армии на пенсию в звании майора, зажил сельской жизнью – стал новгородским помещиком. Всеволод и Валентин выбились в государственные чиновники, дослужившись до званий надворного советника. Наконец, дочь Ольга, прожившая дольше всех своих родственников, вышла замуж за Михаила Григорьевича Евреинова, впоследствии генерал-лейтенанта и управляющего Петергофским дворцовым правлением.

Глава семьи Андрей Иванович Косиковский скончался в 1838 г., и дом на Невском проспекте, как и все его большое имущество, перешел наследникам, а точнее, сыну Александру – продолжателю торгового дела.

Как и прежние владельцы, полуподвал А.И. Косиковский сдал под торговлю, в бельэтаже разместились клубы и конторы различных обществ. Вновь в доме Чичерина начала работать типография, принадлежавшая, на этот раз, Плюшарам. Ее история стала важной составляющей истории культуры не только нашего города, но и всей страны.

Типограф Пауль Александр (Александр Иванович) Плюшар прибыл в Россию из немецкого города Брауншвейга в 1805 г. в возрасте 28 лет. Вместе с ним в столицу Российской империи приехала и супруга – София Аделина Генриетта Федерика Плюшар, урожденная Вагенер.

Мастеру официально предложили заведовать типографией Министерства иностранных дел, а также издавать журнал Journal du Nord (Journal de St.-Petersbourg). Оклад Плюшара в МИДе составлял 3 тысячи рублей в год. В 1808 г. он возглавил Сенатскую типографию, в которой прослужил почти шесть лет. Талантливый рисовальщик и удачный типограф, Плюшар довольно быстро стал заметной фигурой культурной жизни города, а после открытия своего дела – частной типографии и книжной лавки – он навечно вошел в пантеон русских просветителей. В 1827 г. А.И. Плюшар скончался, но его дело продолжили вдова Генриетта и старший сын Адольф, которому уже исполнился 21 год. Второй сын, Евгений, был младше брата на три года. Он не стал заниматься издательским делом, а посвятил себя живописи и фотографии.

Учитывая вовлеченность в издательское дело всей семьи, кроме Евгения, нужно говорить скорее о типографской и просветительской деятельности всех участников этого семейного предприятия. Это отразилось и в названии фирмы: с 1831 г. оно официально называлось «Типография вдовы Плюшар с сыном», с 1833 г. – «Типография А.А. Плюшара».

Плюшары печатали самые разные книги на многих европейских языках. При Генриетте вышли такие книги, как «Гамлет» В. Шекспира (первое издание) в переводе

С.И. Висковатого, роман «Иван Выжигин» Ф.В. Булгарина, поэтический сборник А. де Ламартина «Nouvelles meditations poetiques» и некоторые другие сочинения. Адольф Плюшар первый выпустил «Ревизора» Н.В. Гоголя, издавал «Дон Кихота Ламанчского» М. де Сервантеса, трагедию «Фауст» И.В. Гёте, многотомные издания и, в частности, «Энциклопедический лексикон», оставшийся, к сожалению, неоконченным. С типографией работали многие известные художники и граверы, например Александр Осипович Орловский. Уже в середине XIX столетия типография Плюшаров стала образцом издательского дела в России, а словолитня превратилась в крупнейшее подобное предприятие страны. У Плюшаров заказал оригинальный шрифт Н.И. Греч для печати газеты «Северная пчела».

Кроме помещения для типографии и книжного магазина на Большой Морской улице (угол с Невским проспектом), который назывался «Французский литературный салон», Адольф Плюшар арендовал у Косиковского и апартаменты, где постоянно жил со всей своей семьей. Писатель Владимир Петрович Бурнашев так передает внешний облик издателя: «… красивый мужчина, впрочем, чересчур театрального и эффектного вида, сильно занимавшийся собою и не пропускавший ни одного зеркала, чтобы не взглянуть в него на свою напыщенно-величавую фигуру, смахивавшую, правда сказать, на новую парикмахерскую вывеску».

Типографию и квартиру Адольфа Плюшара посещало множество известных петербуржцев. Николай Иванович Греч не просто выступал заказчиком типографии, но и участвовал, например, в издании «Энциклопедического лексикона» в качестве главного редактора. Участник издания энциклопедии профессор А.В. Никитенко вспоминал: «Сегодня было большое собрание литераторов у Греча. Здесь находилось, я думаю, человек семьдесят. Предмет заседания – издание энциклопедии на русском языке. Это предприятие типографщика Плюшара. В нем приглашены участвовать все сколько-нибудь известные ученые и литераторы. Греч открыл заседание маленькою речью о пользе этого труда и прочел программу энциклопедии, которая должна состоять из 24-х томов и заключать в себе, кроме общих ученых предметов, статьи, касающиеся России. Засим, каждый подписывал свое имя на приготовленном листке бумаги,

под наименованием той науки, по которой намерен представить свои труды. Я подписался под статьей: „Русская словесность“».

Н.И. Греч

Попутно отметим, что связь Н.И. Греча с домом Чичерина более тесная – с 1821 по 1831 г. писатель снимал здесь на третьем этаже квартиру с окнами на Большую Морскую улицу. Можно предположить, сколько знаменитых литераторов и деятелей культуры бывали в этой квартире, а некоторые даже жили в ней. Так поэт В.К. Кюхельбекер летом 1825 г. прожил у Греча несколько месяцев и также имеет отношение к чичеринскому дому. В той же его части, то есть в пристройке В.П. Стасова 1810-х гг., три месяца прожил дипломат и писатель Александр Сергеевич Грибоедов. Отсюда он уехал в Персию, в свою последнюю дипломатическую миссию.

М. Жорж

Сохранились воспоминания московского актера Ивана Алексеевича Григоровского о квартире Плюшара в доме Косиковского: «…великолепная его квартира на Большой Морской улице отделана была со всей роскошью: мебель, зеркала, бронза, ковры, экипажи, лошади – умопомраченье». Но судьба была немилосердна к издателю – из-за финансовых проблем он

потерял и типографию, и книжный магазин в доме на Большой Морской. «…Доходы Плюшара тоже прекратились. А тут, как снег на голову, подошли сроки платежам по векселям, и Плюшар объявился несостоятельным», – отмечает И.А. Григоровский. Издательское дело Плюшаров, однако, продолжилось, но уже в другом месте.

Среди обитателей дома Чичерина в начале XIX столетия выделялась молоденькая французская актриса – мадемуазель Маргарита Жорж, впервые появившаяся на сцене в 14 лет. На ее первом парижском спектакле «Ифигения» Жана Расина присутствовал первый консул Наполеон Бонапарт, тогда же они познакомились. Когда они расставались перед поездкой в Петербург (а в столицу Империи ее настоятельно зазывал А.Х. Бенкендорф), Жорж попросила на память какой-нибудь портрет Бонапарта. Наполеон протянул девушке золотой монету со своим изображением и сказал: «Говорят, что я тут очень похож». С тем и отправилась актриса в далекую страну, на окраину Европы.

Жорж выступала на столичной и московской сценах, и успех ее превзошел все ожидания – среди ее поклонников значились члены августейшей фамилии и называлось (шепотом) даже имя императора Александра I.

В декабре 1812 г. столичная газета «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовала небольшую заметку, в которой, в частности, говорилось: «Маргерет Жозефин Жорж-Веймер, французская актриса, с сестрой Луизой-Шарлоттою Жорж-Веймер и отцом их, Франсуа Жорж-Веймер, покинули Россию, выехав из углового дома Косиковского на Невском проспекте».

Вопрос связи Александра Сергеевича Пушкина с домом Чичерина можно рассматривать с разных сторон. Пушкин знал и Плюшара, и Греча, дружил с Кюхельбекером и, очевидно, бывал у каждого из них в гостях. Но во многих книгах имя поэта чаще других ставят рядом с ресторатором Талоном и его знаменитым рестораном, который Александр Сергеевич посещал и даже обессмертил в своем знаменитом романе:

К Talon помчался: он уверен,
Что там уж ждет его Каверин.
Вошел: и пробка в потолок,
Вина кометы брызнул ток;
Пред ним roast-beef окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Страсбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым.

В середине 1810-х гг. француз Пьер Талон снял у Косиковского помещение в угловой части дома (Невский пр., 15 и Большая Морская ул., 14), открыв в нем ресторан. Заведение было дорогим, но модным, и просуществовало до весны 1825 г.

Атмосферу, царившую в «Талоне», можно легко ощутить по пушкинским строкам. Из них же ясно, что в этом фешенебельном заведении подавали блюда европейской кухни. Ростбиф с кровью, который готовили из говядины, считался в то время наиболее популярным в столице кушаньем. «Живой» лимбургский сыр относился к мягким сырам и имел желеобразную форму. Страсбургский пирог – это консервированный паштет, и пришел он к нам, как и трюфели, из Франции. «Вином кометы» называли шампанское урожая 1812 г. В тот год в небе Европы летела комета, что и запомнили виноделы, а с ними и весь континент. Получается, что шампанское имело более чем десятилетнюю выдержку.

Но ничто не вечно в ресторанном мире, и даже столь популярный у петербургского света «Талон» в итоге прекратил свое существование.

Некоторое время в освободившемся помещении ресторана работало «Справочное место» (учреждение по приему объявлений и выдаче справок), затем открылся ресторан Жана Фельетта (Фелье), а после этого заведения – кондитерская «Виолета». Пушкин любил захаживать в заведение Фельетта и даже заказывал блюда на дом, как сейчас говорят, «на вынос». Перед роковой дуэлью Пушкин отправил в ресторан заказ на паштет, оплачивали который уже после смерти поэта.

Были в ресторане Фельетта и свои завсегдатаи. Городская легенда хранит имя полковника Тобьева, вышедшего однажды из ресторана с другом в проливной дождь. Приятели направлялись в театр, причем спутник полковника промок насквозь, а герой легенды Тобьев остался совершенно сухим. Он объяснил это просто: «Я так быстро крутил свою трость над головой, что отбил все капли и не одна не попала на мое платье».

С течением лет арендаторы дома Чичерина менялись. В 1830-х гг. со стороны Большой Морской улицы работал книжный магазин немца Георгия Георгиевича (Егора Егоровича) Ротгана под вывеской «Магазин новостей русской словесности». На углу с Невским проспектом можно было купить лекарства в аптеке. А угловые помещения в противоположной части дома, у Зеленого моста, занимали часовая, шляпная и золотошвейная мастерские. Долгое время, начиная с 1820 г., на первом этаже обслуживала покупателей винная лавка француза Камилла Филиппа Депре, рядом с 1825 г. располагался модный перчаточный магазин Жана-Батиста Везине. Говоря о винной лавке, стоит знать, что центральный магазин Депре находился в Москве – там бывший капитан французской армии задержался после войны 1812 г., открыв виноторговлю. Наиболее популярными у русской публики долгое время оставались портвейн «Депре № 113» и ликер «Бенедиктин», причем как в столице, так и в провинции.

В 1822 г. в доме Чичерина открылась «Номосинкло-география» – иллюзион, демонстрировавший оптическую панораму разных частей мира. Панорама имела второе название «Театр света», и представила ее петербургской публике некая Латур, известная другим своим предприятием – панорамой Парижа, размещенной в деревянной пристройке на углу Большой Морской улицы и Кирпичного переулка двумя годами ранее.

«Театр света» закрылся через несколько лет, но помещение, которое он занимал, не осталось пустым – туда въехала «Галерея прозрачных картин», представлявшая посетителям на большом экране виды Франции и Швейцарии. Во время показа в зале звучала музыка.

В доме Чичерина в середине XIX в. заседало Благородное собрание, собиравшее на свои концерты полный зал. Все потому, что на сцене собрания выступали знаменитые музыканты: Лист, Рубинштейн, Мауер и другие. Так что музыка звучала в разных частях жилого комплекса. Но случались и провалы. Для продвижения своей продукции бельгийский мастер Генрих Герман Лихтенталь (а выпускал и продавал он рояли весьма тонкой работы) снял в 1851 г. большой зал на 600 мест, где и организовал публичные концерты. Но изысканная публика ходила на них плохо – дом Косиковского не был известным местом проведения мероприятий для столичного света, и дело быстро заглохло. Свою фабрику в Санкт-Петербурге Лихтенталь открыл в 1840 г., и она сразу заняла ведущее место среди производителей музыкальных инструментов. Рояли Лихтенталя не только поражали богатой и дорогой отделкой корпуса, но и новаторством в расположении струн. К сожалению, в 1854 г. владелец фабрики умер, и выпуск роялей под маркой «Lichtenthal» тут же прекратился.

История дома Чичерина во второй половине XIX столетия связана со знаменитой купеческой фамилией Елисеевых – последних частных владельцев этого здания.

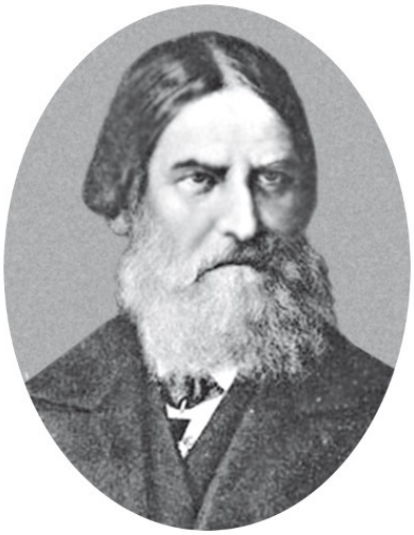
Покупкой дома в 1858 г. занимался младший брат, Степан Петрович Елисеев, который и поселился в нем со своей семьей.

Его отец, Петр Елисеевич Елисеев, начинал торговое дело в 1813 г. с небольшой лавки, превратившейся со временем в целую торгово-закупочную империю с собственными судами,

обширными складами и знаменитым магазином на Невском проспекте, о котором я расскажу позже.

В своем доме, а Елисеевы занимали квартиру с окнами на Мойку, С.П. Елисеев прожил до 1917 г. и с началом революционных событий навсегда покинул Россию.

Как и все предыдущие владельцы, Елисеев большую часть помещений своего дома сдавал под жилье, конторы и магазины. Купец провел большую реконструкцию всего комплекса зданий, и их общая площадь за счет дворовых флигелей значительно увеличилась.



С.П. Елисеев

Важным событием в городской культурной жизни стало открытие в доме Чичерина 10 января 1862 г. шахматного клуба, учредителем которого выступил граф Григорий Александрович Кушелев-Безбородко. Известный меценат, издатель и литератор с 1859 г. занимался изданием журнала «Русское слово», а его литературные обеды посещали многие столичные писатели и поэты. Помощь и активное участие в организации шахматного клуба оказал известный публицист Николай Григорьевич Чернышевский, что во многом предопределило его политическую и социальную направленность. В клубе бывали Н.С. Лесков, Д.И. Писарев, Н.И. Шелгунов, Г.З. Елисеев, Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин, П.Л. Лавров, И.И. Панаев и другие литераторы, критики и публицисты, в основном демократической ориентации. Проводившиеся в клубе дискуссии на политические темы привели к тому, что 9 июня 1862 г. по приказу петербургского военного генерал-губернатора князя А.А. Суворова заведение закрыли. Но литературная и, конечно, околополитическая деятельность в стенах дома Чичерина продолжилась.

Возрожденное после перерыва Благородное собрание проводило литературные вечера, а участие в них известных писателей сделало их очень популярными. Так, в середине декабря 1878 г. Федор Михайлович Достоевский читал здесь рассказ Нелли из повести «Униженные и оскорбленные», а 9 и 16 марта 1879 г. – отрывки из «Братьев Карамазовых».

В ноябре 1880 г. Благородное собрание провело вечер памяти Николая Васильевича Гоголя, и здесь Достоевский читал для слушателей отрывки из произведений великого писателя. На упомянутых мартовских вечерах 1879 г. выступал Иван Сергеевич Тургенев, причем 16-го числа мероприятие проводилось в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым, и помогала писателю знаменитая актриса Мария Гавриловна Савина.

Новый, XX в., а вернее, Февральская революция 1917 г. кардинально изменили судьбу дома Чичерина. Пустые комнаты заселили новые постояльцы, а в русскую историю ворвались иные веяния и люди. Волею случая в тяжелые годы Гражданской войны дом Чичерина превращается в центр русской культурыю Тогда дом Чичерина-Елисеева получил новое название: Дом Искусств, или, по моде тех лет, сокращенно – ДИСК.

«В нижнем этаже были коридоры, окрещенные именами там живших писателей. Еще были залы безвкуснейшей роскоши, с плафоном, где при щелканье выключателя вспыхивали не лампочки, а, как гордились бывшие слуги, „нинифары, водные лилии“. В альковчиках мавританского стиля укрывались влюбленные парочки или высыпались беспризорные писатели, провинциалы, еще не включенные в Сумасшедший Корабль».

Коллектив издательства «Всемирная литература». 1919 г.

Участница событий в ДИСКе, писательница Ольга Форш, в романе «Сумасшедший корабль» показала жизнь в Доме искусств – общежитии сотрудников издательства «Всемирная литература». Создано это издательство было в сентябре 1918 г. при участии Алексея Максимовича Горького, привлекшего в качестве участников коллегиального органа управления изданием книг многих известных литераторов. Среди них можно назвать имена А.А. Блока, Н.С. Гумилева, К.И. Чуковского, Е.И. Замятина и академика С.Ф. Ольденбурга.

Вопрос о создании общежития впервые обсуждался на общем собрании инициативной группы 19 ноября 1919 г. при участии А.А. Блока, Н.С. Гумилева, Ю.П. Анненкова, М.В. Добужинского, К.И. Чуковского, Е.И. Замятина и некоторых других сотрудников издательства. Кроме общежития, для писателей работали распределительный продуктовый пункт и столовая, несколько литературных студий, книжный магазин, более похожий на небольшую лавку, и неплохая библиотека, собранная со всего города.

Как видно, Дом искусств не просто служил местом жительства литераторов, но и выступал в качестве своеобразного культурного центра терзаемого Гражданской войной города, где с докладами и лекциями выступали писатели и поэты бывшей столицы погибшей Империи.

1920 г. „ДОМ ИСКУССТВ“ На 1920 г.
при
КОМИССАРИАТЕ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
Мойка 59, Тел. 6-05.
ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ
Гумилев
Николай Степанович
Председатель Высшего Совета Дома Искусств М. Горький
Заведующий Канцелярией
ПЕТРОГРАД. ДОМ ИСКУССТВ НАРКОМПРОСВЕТА

ДИСК. Членский билет Н.С. Гумилева

Из лекций и курсов, читавшихся в ДИСКе, отметим: «Практические занятия по поэтике» Гумилева; «Теорию сюжета» Шкловского; «Пародию в литературе» Тынянова; «Технику писания рассказов» Замятина и «Философию театра» Евреинова.

Эйхенбаум проводил здесь занятия по творчеству Толстого, а Чуковский изучал с учениками поэзию Некрасова. Кроме этих занятий, в Доме искусств проходили встречи и диспуты, читались публичные доклады и проводились литературные вечера, в частности «Понедельники Дома искусств». Постоянными стали выставки и концерты. В 1922 г. в доме Чичерина размещалась контора издательства «Солнце».

Осип Эмильевич Мандельштам вспоминал: «Жили мы в убогой роскоши Дома Искусств, в Елисеевском доме, что выходит на Морскую, Невский и на Мойку, поэты, художники, ученые, странной семьей, полупомешанные на пайках, одичалые и сонные. Не за что было нас кормить государству, и ничего мы не делали. Впрочем, молодые не унывали, особенно Виктор Борисович Шкловский, задорнейший и талантливейший литературный критик нового Петербурга… Он, как настоящий захватчик, утвердился революционным порядком в елисеевской спальне, с камином, двуспальной постелью, киотом и окнами на Невский проспект».

В те годы в доме Чичерина можно было часто встретить писателей А.М. Горького, М.М. Зощенко, Е.И. Замятина, Б.А. Пильняка, поэтов Н.С. Гумилева, А.А. Ахматову, А.А. Блока, К.И. Чуковского, В.В. Маяковского, И.В. Одоевцеву. Здесь бывали К.С. Петров-Водкин, Е.Е. Лансере, А. Белый, Ф.К. Сологуб, К.А. Федин, В.Б. Шкловский, Б.Л. Пастернак и другие. Писатель Александр Грин написал в Доме искусств знаменитую повесть «Алые паруса». Именно здесь, на набережной Мойки, ночью 3 августа 1921 г. чекисты арестовали одного из лучших поэтов Серебряного века Николая Степановича Гумилева.

Долго существовать оазис творческого вольнодумства, каким был Дом искусств в Советской России, конечно, не мог, и его закрыли уже в 1923 г. В этом же году началась история кинотеатра, знакомого многим поколениям петербуржцев, – «Баррикада», занявшего часть дома Чичерина. Но это «революционное» имя кинозаведение получило не сразу.

В 1923 г. (вход с угла здания со стороны Большой Морской улицы) открылся кинотеатр «Светлая лента». Поднявшись по высокой и длинной лестнице на верхний этаж, вы попадали в большой зал с заветным экраном. Так и забыли бы мы «Светлую ленту», если бы не один исторический факт: с 1923 по 1925 г. здесь работал тапером великий русский композитор Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Он тогда учился, а деньги для студента лишними не бывают.

Помещения в кинотеатре позволяли проводить выступления артистов, а также читать лекции на популярные темы. Расцвет деятельности кинотеатра как культурного центра приходится на 1960-1970-е гг. В более позднее время концертно-лекционная деятельность затухла, а в 1990-е гг. прекратился и показ фильмов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.